

Чжу Линсы, встретив Се Чжэня, часто вызывал его в Павильон Вэньхуа для бесед. Однако, чтобы не казаться слишком явным, он также приглашал Хо Яня. Таким образом, трое — император и его подданные — сидели в кабинете Павильона Вэньхуа, пили чай Цзычжу и вели непринуждённые беседы, наслаждаясь обществом друг друга.

Однажды, обсуждая статью Хо Яня, написанную для Дворцового экзамена, Чжу Линсы не скупился на похвалы. Однако Се Чжэнь заметил:

— Облегчение налогов, очищение чиновничества, справедливость — все это важные вопросы. Но, по моему мнению, достаточно сосредоточиться на последнем.

Его статья была посвящена принципу: «Искусство управления государством заключается в справедливом суде». В ней говорилось о необходимости строгого соблюдения законов и их правильного исполнения. Это неожиданно совпало с последним пунктом Хо Яня.

Хо Янь спросил:

— Скажи, что легче: уменьшить налоги для улучшения жизни народа или ужесточить контроль над чиновниками, чтобы уменьшить коррупцию?

Се Чжэнь улыбнулся:

— Я не имел в виду, что одно легче другого. Просто оба эти вопроса могут быть решены через справедливый суд.

Он добавил:

— Если же пытаться управлять финансами, кадрами и военной подготовкой одновременно, то это уже задача первого министра.

Хо Янь возразил:

— Почему я не могу быть первым министром?

Его слова звучали как дерзость юноши, но ответ Се Чжэня был ещё более резким.

— Твой характер слишком прямолинеен. Лучше сосредоточься на строгом суде. Работа первого министра подходит таким, как мой пятый дядя.

Эти слова Се Чжэня задели Хо Яня. Во-первых, он прямо назвал его прямолинейным, что было скрытым намёком на его неумение быть гибким. Во-вторых, хотя Се Цзин был приближённым императора и пользовался определённым уважением, он никогда не входил в кабинет министров, оставаясь всего лишь чиновником четвёртого ранга. Такое заявление ставило в неловкое положение таких людей, как Сюй Чэн, Пань Бинь и Хэ Е, которые занимали более высокие посты. В-третьих, это звучало так, будто Се Цзин не был прямолинейным, а скорее хитрым. Услышав это, Хо Янь нахмурился.

Чжу Линсы же внутренне соглашался с Се Чжэнем. В его глазах Се Цзин был единственным настоящим человеком, и никто другой не мог с ним сравниться. Теперь это стало ещё более очевидным.

Се Чжэнь, получив поддержку императора, продолжил беззаботно:

— Если ты справишься с этим, то тебя назовут «Хо Цинтянь», и твоё имя останется в истории.

Хо Янь, будучи человеком прямолинейным, понял, что Се Чжэнь подшучивает над ним, и обиженно замолчал.

Се Чжэнь, видя, что Хо Янь расстроен, не стал обращать на это внимания и переключился на разговор с Чжу Линсы о бытовых темах. Ему было всего девятнадцать лет, на полмесяца меньше, чем императору. Он только что прибыл в столицу, сдал Столичный и Дворцовый экзамены и всегда оставался спокойным и уверенным в себе. Даже разговаривая с императором, он говорил свободно, в то время как Хо Янь казался более сдержанным. Перед их приходом Пань Бинь из Министерства ритуалов советовал им уговорить императора поскорее жениться, но Се Чжэнь уже забыл об этом.

— Мой пятый дядя вернулся домой на Новый год, и хотя отец ничего не говорит, он явно рад, — рассказывал Се Чжэнь о новогодних традициях в Цзиане.

Чжу Линсы подумал, что Се Цзин действительно вернулся домой, и вспомнил, что тот уже более десяти лет служит при дворе и впервые за это время побывал дома.

Чиновники Поздней Мин имели три дня отдыха на зимнее солнцестояние, пять дней на Новый год и десять дней на праздник фонарей. Хотя все эти праздники приходились на зиму, этого времени было недостаточно, чтобы добраться до Цзианя и обратно.

Чжу Линсы, узнав немного о Се Цзине, почувствовал себя лучше. Се Чжэнь, видя его интерес, добавил:

— Пятый дядя провёл зимнее солнцестояние в Цяньтане и специально привёз оттуда засахаренные ядра грецких орехов.

Чжу Линсы замер. В прошлом году на зимнее солнцестояние он ел цзяоцзы и думал, где же находится Се Цзин. Тогда отчёты прекратились, и нельзя было понять, где он был. Оказалось, в Цяньтане.

Возможно, он проезжал там по делам, что не было чем-то необычным, подумал он.

В этот момент в комнату вошла женщина в светло-красной кофте и жёлтой юбке. Она принесла закуски и наполнила чашки чаем, а затем встала в стороне.

Хо Янь не обращал на неё внимания, а Се Чжэнь с любопытством взглянул на неё.

Женщина была худощавой, с обычной внешностью, но изящной осанкой. Её одежда не походила на наряд служанки.

Чжу Линсы почувствовал себя неловко.

После встречи в праздники Шан Мяочань почему-то часто бывала во дворце, раз или два в месяц, принося что-то в его кабинет.

Когда он спросил Лу Шэна, тот ответил:

— Девушка Мяочань сама приходит. Если Ваше Величество не хочет, я прогоню её из дворца.

Её судьба была печальна, и император не хотел, чтобы Лу Шэн обращался с ней слишком строго, просто велел вежливо отказать. Однако сегодня она снова пришла, и Се Чжэнь увидел её.

Хотя Се Цзин не писал императору, он явно ценил своего племянника. Се Чжэнь говорил, что пятый дядя, узнав о его назначении шущиши, написал ему письмо с большой похвалой.

Теперь, когда Се Чжэнь увидел Шан Мяочань, он мог рассказать об этом Се Цзину, и Чжу Линсы почувствовал себя виноватым.

Ему стало неприятно, и, видя, что она не уходит, он сказал:

— Больше не приходи сюда.

Се Чжэнь удивился, а Шан Мяочань побледнела, её губы дрожали, и она еле выговорила:

— Как прикажете.

Не дожидаясь завершения церемонии, она быстро вышла.

Чжу Линсы почувствовал себя виноватым, но сейчас ему было не до этого. Он только надеялся, что Се Чжэнь забудет об этом.

После того как оба ушли, император вспомнил, что Се Чжэнь сказал, что Се Цзин провёл прошлое зимнее солнцестояние в Цяньтане. Он предположил, что это было связано с делами, но Се Цзин уже почти год не был в столице, и большинство его дел были на юге. Поэтому проезд через Цяньтан не был чем-то необычным.

Однако он всё же достал отчёты Се Цзина из ящика.

За месяц до этого, помимо дел, Се Цзин описал в отчёте празднование Шансы в Янчжоу. Хотя это были всего несколько строк, они были посвящены жизни народа и содержали намёк на то, что «мартовские огни не обманывают».

Но он не знал, откуда Се Цзин отправился в Янчжоу.

Чжу Линсы попросил Лу Шэна принести карту и изучить окрестные города. В предыдущих отчётах, в апреле упоминалось дело в Сучжоу, а в феврале — в Хучжоу, где производили шёлк и где всегда было богатство. Се Цзин, естественно, должен был там побывать.

Только середина февраля оставалась пустой. Провинциальные инспекторы, в отличие от столичных чиновников, имели больше свободы, и отсутствие новостей от Се Цзина было нормальным.

Чжу Линсы указал на Цяньтан и спросил:

— Ты думаешь, он был там в день Хуачао, чтобы встретиться с князем Ци?

Лу Шэн подумал, что император слишком усложняет себе жизнь. Вместо того чтобы просто вызвать Се Цзина обратно, он изучал карту, пытаясь угадать его маршрут. Вместо простого решения он выбирал сложный путь.

Он только сказал:

— Господин Се путешествует по Цзяннани, изучая жизнь народа. Цяньтан всегда был процветающим местом, и он мог побывать там несколько раз.

Хотя это ничего не объясняло, император не мог найти в этом ошибки. Чжу Линсы кивнул и

снова положил отчёты в ящик.

Вечером, вернувшись во дворец Цяньцин, он всё ещё не мог успокоиться и спросил Лу Шэна:

— Где был Се Цзин в прошлом году на Праздник середины осени?

Лу Шэн быстро ответил:

— Ваше Величество забыли? В начале июля господин Се отправился в Цзиндэчжэнь для проверки счетов императорских печей. Прошло больше месяца, прежде чем пришло письмо. Позже выяснилось, что почтовая станция допустила ошибку, и письмо задержалось. Оно было написано в Исине.

Исин находился рядом с Цяньтаном.

Чжу Линсы почувствовал, будто гром ударил ему в уши. В прошлом году он был слишком занят тем, что писал Се Цзин в отчётах, и не задумывался о том, что он не написал.

Мысль о том, что Се Цзин, покинув его, сразу отправился на юг и встретился с князем Ци в Цяньтане на Праздник середины осени, взорвала его голову.

Лу Шэн, видя его выражение лица, понял, что что-то не так, и поспешил сказать:

— Ваше Величество, это не обязательно так. Господин Се — человек с изысканным вкусом. Он мог быть где угодно, не обязательно в Цяньтане, чтобы любоваться луной.

Чжу Линсы только слышал, как тяжело он дышит. Он опустился на кровать, оцепенев на мгновение, а затем сказал:

— Спроси Чжоу Чжэня. Он должен знать.

Если Се Цзин писал Се Чжэню, то, вероятно, поддерживал связь и с Чжоу Чжэнем.

Даже если он дружил с князем Ци и избегал Сюй Чэна, он не стал бы скрывать это от Чжоу Чжэня.

Лу Шэн, видя его состояние, понял, что, как только дело касалось Се Цина, император начинал мучиться. Сегодня, если это продолжится, он не сможет уснуть. Завтра, хотя и не было аудиенции, он не мог позволить себе такое поведение, и сказал:

— Ваше Величество, уже поздно, господин Чжоу, вероятно, уже спит.

Чжу Линсы спросил и узнал, что уже полночь. Он понял, что не должен больше беспокоить своих подданных, и, после уговоров Лу Шэна, лёг спать.

На следующее утро Чжоу Чжэнь, не имея аудиенции, планировал прогуляться с женой Сюй Хуэйянь. Они вдвоём провели полчаса, пока она наносила макияж, и это было очень мило.